

Нет автора

**Отчет о 18-м присуждении наград графа
Уварова**

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Отчет о 18-м присуждении наград графа Уварова / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 84 с.

ISBN 978-5-4241-8494-9

ISBN 978-5-4241-8494-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТЧЕТЪ

0

ВОСЕМНАДЦАТОМЪ ПРИСУЖДЕНИИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА

Читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ
25-го сентября 1875 г. Непремѣннымъ Секретаремъ Академикомъ
К. С. Веселовскимъ.

Сочиненій по части русской и славянской исторіи, представленныхъ въ настоящемъ году на соисканіе наградъ графа Уварова, было одиннадцать. Для разсмотрѣнія ихъ и для постановленія о нихъ приговора, Общее Собраніе Академіи, въ засѣданіи 10 января, назначило, согласно съ правилами объ Уваровскихъ наградахъ, особую комисію, подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго Секретаря, изъ гг. Академикомъ: М. И. Броссе, И. И. Срезневскаго, А. В. Никитенко, Я. К. Грота, А. Ѳ. Бычкова, А. А. Куника и М. И. Сухомлинова.

Ознакомившись съ сочиненіями, подлежащими ея сужденію, комисія избрала для ихъ разсмотрѣнія рецензентовъ, частью изъ своей среды, частью изъ постороннихъ ученыхъ, и пригласила ихъ доставить разборы конкурсныхъ произведеній къ положенному для того сроку.

По полученіи рецензій, комисія признала необходимымъ одно сочиненіе отложить до слѣдующаго конкурса по той причинѣ, что разсматривавшій оное рецензентъ не доставилъ своего отзыва. Затѣмъ, по прочтеніи разборовъ прочихъ сочиненій и по внимательномъ обсужденіи ихъ сравнительнаго достоинства, комисія въ засѣданіи 11 сентября постановила шесть изъ нихъ удостоить Уваровскихъ наградъ, въ 500 руб. каждая.

Эти увѣнчанныя преміями сочиненія суть слѣдующія:

Увар. отч.

1

I.

Исторія Бѣлокриницкой іерархіи. Н. Субботина. Т. I. Москва.

По просьбѣ Академіи, это сочиненіе было разсмотрѣно профессоромъ И. Ѳ. Нильскимъ, который въ здѣшней Духовной академіи занимаетъ кафедру, специально посвященную изложенію всего того, что касается до русскаго раскола. Замѣчанія ученаго рецензента сводятся къ слѣдующему: сочиненіе г. профессора Московской духовной академіи Субботина представляетъ собою начало обширнаго труда, предпринятаго авторомъ, и содержитъ въ себѣ только исторію происхожденія Бѣлокриницкой іерархіи. Тѣмъ не менѣе этотъ первый томъ есть весьма почтенный и въ то же время вполне законченный трудъ, посвященный такому событію въ исторіи современнаго раскола, которое можетъ быть разсматриваемо, какъ самостоятельное цѣлое. Говорить о важности предмета, составляющаго содержаніе книги г. Субботина, было бы излишне. Учрежденіе, которое самымъ существеннымъ образомъ отразилось на исторіи поповскаго раскола за послѣднюю четверть столѣтія, давши старообрядцамъ возможность имѣть у себя вмѣсто бѣглыхъ поповъ, своихъ собственныхъ іереевъ и даже архіереевъ, торжественно отправляющихъ нынѣ по разнымъ мѣстамъ Россіи богослуженіе и даже созывающихъ въ первопрестольной столицѣ свои соборы по дѣламъ старообрядства, — учрежденіе, по поводу котораго наше правительство было вынуждено вести дипломатическіе переговоры съ Австріею и издать нѣсколько новыхъ законоположеній, непотерявшихъ силы и до настоящаго времени, а Св. синодъ долженъ былъ войти посредствомъ каноническаго посланія въ сношеніе съ вселенскимъ константинопольскимъ патриархомъ, нѣтъ сомнѣнія, имѣетъ свое значеніе, и обстоятельное знакомство съ исторіею такого учрежденія — дѣло больше, чѣмъ не лишнее не только для людей науки, но и для властей какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, и даже для самаго раскола. Между тѣмъ, почти во всѣхъ изданныхъ доселѣ произведеніяхъ литературы, исторія означеннаго событія излагалась неполно, отрывочно, запутанно и съ такими отступленіями отъ исторической правды, которыя только давали раскольникамъ поводъ обвинять православныхъ писателей въ недобросовѣстности ихъ сочиненій о расколѣ и вслѣдъ затѣмъ не вѣрить даже и тому, что въ нихъ было справедливаго.

Ознакомившись съ содержаніемъ труда г. Субботина, нельзя

не призвать, что онъ изложилъ свой предметъ съ тою полнотою и отчетливостью и съ тою несомнѣнною достовѣрностью, какихъ требуетъ современная наука. Благодаря особымъ обстоятельствамъ, въ которыхъ онъ находился и которыя доставили ему возможность пользоваться многими новыми и вполне надежными данными, г. Субботинъ не только представилъ множество любопытныхъ подробностей относительно предмета своего изслѣдованія, бывшихъ до него неизвѣстными, но и исправилъ тѣ невѣрныя свѣдѣнія, которыя встрѣчаются у писателей о происхожденіи австрійской раскольничьей іерархіи. Неумѣстно было бы здѣсь исчислять всѣ случаи, когда г. Субботину приходилось критически относиться къ прежде существовавшимъ въ печати мнѣніямъ о разныхъ сторонахъ предмета, составляющаго содержаніе его книги, и на основаніи несомнѣнныхъ данныхъ, исправлять ихъ; достаточно сказать, что почти всѣ примѣчанія, которыми испещрено его сочиненіе, имѣютъ критическій характеръ и сами по себѣ, независимо отъ текста, составляютъ драгоцѣнный вкладъ въ науку о расколѣ.

II.

Историческое разысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703 — 1802 и., библиографически и въ хронологическомъ порядкѣ описанныхъ А. Неустроевымъ. Спб. 1874 г.

Разборъ этого сочиненія составленъ Академикомъ А. О. Бычковымъ.

Въ русской литературѣ уже неоднократно была высказываема мысль о томъ, что для полезнаго и необходимаго во многихъ отношеніяхъ обзора отечественныхъ повременныхъ изданій, особенно выходившихъ въ XVIII столѣтіи, было бы необходимо имѣть указатели къ нимъ. Была даже сдѣлана въ 1841 г., г. Быстровымъ, попытка къ осуществленію этой мысли, въ его «Опытѣ алфавитнаго указателя къ русскимъ повременнымъ изданіямъ»; но этого указателя вышелъ въ свѣтъ только первый выпускъ. Послѣ г. Быстрова никто изъ библиографовъ не касался нашихъ періодическихъ изданій XVIII вѣка, кромѣ г. Всеволодова, который въ 1857 г. издалъ «Азбучный указатель русской повременной словесности съ 1735 по 1857 г.», остановившійся также въ самомъ началѣ. Такимъ образомъ заключающіяся въ повременныхъ изданіяхъ разнообразныя данныя для исторіи русской литературы, науки и общественной жизни, оставались попрежнему трудно доступными для изслѣдователей.

ніе всѣхъ нашихъ журналовъ, отъ начала ихъ возникновенія, никто не рѣшался съ одной стороны по обширности такой задачи, а съ другой, по невозможности, или по крайней мѣрѣ по трудности, имѣть весь нужный для того матеріалъ, т. е. всѣ повременныя изданія, изъ которыхъ многія сдѣлались большою библиографическою рѣдкостью. Принявъ на себя исполнить эту задачу, г. Неустроевъ, послѣ многолѣтняго труда достигъ своей цѣли, и подарилъ русскую библиографію пособіемъ, въ которомъ давно ощущалась потребность. Благодаря усидіямъ г. Неустроева, мы имѣемъ теперь по возможности полную, хронологическую роспись изданій и сборниковъ, изданныхъ въ продолженіе столѣтія съ 1703 по 1802 г. включительно, — роспись, въ которой помѣщено описаніе 138 газетъ, журналовъ и сборниковъ.

Во введеніи къ своему труду, г. Неустроевъ указываетъ на то, что было до него сдѣлано по части библиографіи русскихъ повременныхъ изданій, а затѣмъ въ сжатомъ и даже сухомъ очеркѣ излагаетъ ходъ развитія нашей журналистики, начиная съ рукописныхъ курантовъ; при этомъ онъ преимущественно обращаетъ вниманіе на мѣсто, гдѣ журналъ печатался, на время его появленія и на его редакторовъ; указанія же на живую связь между обществомъ и журналами, опредѣленія ихъ направленія, оцѣнки конечныхъ результатовъ ихъ дѣятельности — въ очеркѣ, къ сожалѣнію, нѣтъ, по нѣкоторымъ причинамъ, объясняемымъ г. Неустроевымъ, но съ которыми рецензентъ не находитъ возможнымъ согласиться. По мнѣнію г. Бычкова, нельзя не пожалѣть, что въ своемъ введеніи г. Неустроевъ не помѣстилъ библиографическаго списка существующихъ указателей къ повременнымъ изданіямъ и не сдѣлалъ оцѣнки ихъ достоинствъ и недостатковъ, а также пріемовъ, употребленныхъ при ихъ составленіи.

Впрочемъ, введеніе не имѣетъ существенной важности въ книгѣ г. Неустрова; его настоящая заслуга начинается тамъ, гдѣ онъ приступаетъ къ самому описанію повременныхъ изданій и сборниковъ.

Передъ исчисленіемъ статей каждаго изданія, онъ помѣстилъ вступительныя замѣчанія. Въ этихъ замѣчаніяхъ, благодаря розысканіямъ г. Неустроева и тому обстоятельству, что онъ, за весьма немногими исключеніями, пользовался полными экземплярами повременныхъ изданій XVIII вѣка, собрано много любопытныхъ фактовъ, рисующихъ не только взглядъ издателей на журналъ-

ное дѣло и ихъ отношенія къ читателямъ, но также и умственный уровень публики. Историкъ общественной жизни въ Россіи XVIII столѣтія останется благодаренъ г. Неустроеву за извлечение этихъ фактовъ на свѣтъ божій.

Указаніе именъ издателей, редакторовъ и сотрудниковъ, принимавшихъ участіе въ изданіи, во многихъ случаяхъ потребовало продолжительныхъ изысканій; за то эти изысканія увѣнчались успѣхомъ, и въ настоящее время, послѣ появленія въ свѣтъ труда г. Неустроева, остаются для насъ неизвѣстными редакторы и издатели лишь очень немногихъ повременныхъ изданій. Изъ числа лицъ, участвовавшихъ въ журналахъ, многія скрывали свои имена, или подписывали статьи начальными буквами, цифрами и псевдонимами; нѣкоторые изъ такихъ авторовъ уже открыты г. Неустроевымъ, и можно надѣяться, что съ теченіемъ времени, когда книга его будетъ въ рукахъ бібліографовъ, откроется еще большее число подобныхъ писателей.

Съ фактической стороны трудъ г. Неустроева распадается на двѣ части: одна касается данныхъ, составляющихъ отличительные признаки повременныхъ изданій, т. е. числа томовъ, числа страницъ въ каждомъ изъ нихъ и проч.; другая часть имѣетъ дѣло съ оглавленіями статей. По сдѣланной г. Бычковымъ провѣркѣ данныхъ, относящихся къ повременнымъ изданіямъ, они оказывались постоянно точными, за исключеніемъ лишь нѣсколькихъ весьма незначительныхъ невѣрностей. Пробѣгая заглавія статей, нельзя, по мнѣнію г. Бычкова, не удивляться тому, какая чрезвычайная ихъ масса помѣщена у г. Неустроева на 50 листахъ мелкой печати. Эта масса, въ которой можно потеряться безъ руководящей нити, громко говоритъ объ одномъ весьма важномъ недостаткѣ труда г. Неустроева, а именно объ отсутствіи въ немъ систематическаго указателя, по крайней мѣрѣ для тѣхъ статей, которыя имѣютъ прямое отношеніе къ исторіи, географіи и этнографіи Россіи, къ фабричной, заводской и хозяйственной дѣятельности въ нашемъ отечествѣ: такой указатель, даже въ самой сжатой формѣ, значительно увеличилъ бы пользу книги г. Неустроева.

III.

Казанскія гимназіи въ XVIII столѣтіи. А. Артемьева. Спб. 1874 г.
Исторія Казанской гимназіи, дѣлившейся въ XVIII вѣкѣ на двѣ:

дворянскую и разночинскую, тѣсно связана съ исторією Московскаго университета, и потому должна занимать мѣсто въ исторіи просвѣщенія не только восточнаго края Россіи, но и всей имперіи. Имена Шувалова и Державина, директоровъ Веревкина и Каница, болѣе или менѣе слитыя съ судьбою этой гимназіи, общезвѣстны. Въ царствованіе Елизаветы, со времени основанія гимназіи, и потомъ почти во все царствованіе Екатерины II, т. е. до открытія въ Казани Главнаго народнаго училища, гимназія, дававшая общее образованіе, въ значительныхъ размѣрахъ удовлетворяла пробудившейся въ краѣ потребности знанія. Открытое потомъ Главное народное училище, ни по объему въ немъ преподаванія, ни по правамъ, имъ даваемымъ, не могло замѣнить Казанской гимназіи, пострадавшей отъ Пугачевского погрома и затѣмъ вдругъ исчезнувшей.

Съ того времени, какъ стали заниматься біографіей Державина, воспитанника Казанской гимназіи, вниманіе изслѣдователей обратилось и на мѣсто его воспитанія; но за неразработкою архива гимназіи, еще нѣтъ подробной исторіи этого заведенія. Уже первый попечитель Казанскаго учебнаго округа, Румовскій, настаивалъ на томъ, чтобы такая исторія была составлена по документамъ; но его старанія остались безуспѣшны. Затѣмъ, появившаяся въ свѣтъ, въ 1867 году, «Историческая записка» г. Владимірова о 1-й Казанской гимназіи, составленная къ столѣтнему ея юбилею, представлялась единственнымъ сочиненіемъ о судьбахъ стариннаго разсадника просвѣщенія въ Казани, до тѣхъ поръ, пока недавно умершій А. И. Артемьевъ не напечаталъ въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія, а потомъ особою книгою, новый трудъ о томъ же предметѣ.

Увѣнчавъ этотъ трудъ Уваровскою наградю, Академія основала свой приговоръ на отзывѣ, сообщенномъ ей, по ея просьбѣ, профессоромъ Казанскаго университета Н. Н. Буличемъ, пріобрѣтшимъ себѣ своими собственными трудами право голоса во всемъ, что касается до исторіи просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ.

Въ предисловіи къ своему сочиненію г. Артемьевъ скромно говоритъ, что онъ имѣлъ въ виду пополнить и исправить извлеченія, сдѣланныя г. Владиміровымъ изъ архивныхъ документовъ, и что своему труду онъ придаетъ лишь значеніе матеріала для

исторіи образованія въ Россіи. Но литературная обработка предмета, основанная на полномъ знакомствѣ автора не только съ значительнымъ количествомъ архивнаго матеріала, но и со множествомъ разбросанныхъ по разнымъ сочиненіямъ свѣдѣній, имѣющихъ большее или меньшее отношеніе къ Казанскимъ гимназіямъ, ставитъ, по словамъ рецензента, книгу г. Артемьева несравненно выше сочиненія г. Владимірова. Тѣмъ не менѣе, г. Буличъ находитъ, что трудъ г. Артемьева не можетъ быть названъ, въ строгомъ смыслѣ слова, исторіей Казанскихъ гимназій въ прошломъ вѣкѣ, такъ какъ на многія стороны учебнаго заведенія авторъ не обратилъ должнаго вниманія. Онъ болѣе всего старался о томъ, чтобы выставить отношеніе гимназій къ обществу и полнѣе очертить біографіи первыхъ ея дѣятелей. Въ этомъ отношеніи онъ сдѣлалъ все, что могъ, сообразно съ матеріалами, какіе находились въ его распоряженіи. Недостатокъ этихъ послѣднихъ не позволилъ ему сообщить больше полноты, напр. очерку первоначальнаго образованія въ сѣверо-восточномъ краѣ Россіи, и потому большая часть его труда относится къ изложенію біографическихъ свѣдѣній и къ характеристикѣ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, т. е. директоровъ гимназій. Болѣе всего подробностей въ сочиненіи, какъ и слѣдовало ожидать, сообщено о двухъ директорахъ. Веревкинѣ и Каницѣ. Это тѣмъ болѣе естественно, что при нихъ и совершались самыя важныя событія въ судьбѣ заведенія. Остальные директора весьма скоро смѣнялись одинъ другимъ и не были особенно замѣчательны. Взятіе и разграбленіе Казани Пугачевымъ и послѣдовавшее затѣмъ разореніе гимназій составляютъ отдѣльно обработанный и довольно обширный эпизодъ въ сочиненіи г. Артемьева, которое вообще доведено только до восьмидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія.

Что касается до внутренней жизни гимназій, то, по замѣчанію рецензента, съ нею нельзя познакомиться полнымъ образомъ изъ сочиненія г. Артемьева: гимназія выставляется у него преимущественно виѣшнею своею стороною, своимъ соприкосновеніемъ къ Московскому университету и къ прочимъ властямъ. Для полнаго изображенія жизни заведенія у автора очевидно недоставало ближайшаго знакомства съ архивными дѣлами. Но съ другой стороны, рецензентъ считаетъ сочиненіе г. Артемьева очень полнымъ: около гимназій группируются главныя событія Казанской исторіи за прошедшій вѣкъ, выдающіяся личности края, и тѣ

довольно слабые проблески умственной жизни въ немъ, которые можно было подмѣтить. Для собиранія относящихся сюда самыхъ разнородныхъ свѣдѣній автору помогла его обширная начитанность во всемъ, что въ нашей исторической и періодической литературѣ имѣетъ отношеніе къ Казани и къ главному предмету сочиненія. Видно, что этотъ трудъ занималъ автора долго. Указанія его отличаются большою точностью, и едва-ли возможно найти пропускъ какого либо даже незначительнаго свѣдѣнія, разумѣется съ той стороны, которая преимущественно разсматривается авторомъ. По этому, какъ заключаетъ свою рецензію г. Буличъ, изслѣдователи умственной жизни нашей въ прошломъ столѣтіи всегда съ уваженіемъ будутъ обращаться къ книгѣ г. Артемьева и всегда найдутъ въ ней и важные матеріалы, и хорошо сгруппированные факты.

IV.

Словарь древняго актоваго языка Северо-западнаго края и Царства Польскаго. Составленъ Н. Горбачевскимъ. Вильна. 1874 г.

Желая получить разборъ этого сочиненія, составленный специалистомъ, близко знакомымъ съ предметомъ, Академія обращалась съ просьбою о содѣйствіи ей въ этомъ случаѣ къ Совѣту Варшавскаго университета, и, по порученію его, рецензія труда г. Горбачевскаго была написана доцентомъ университета Н. П. Барсовымъ. Ученый критикъ съ большимъ вниманіемъ разсмотрѣлъ весь составъ Словаря, какъ по отношенію къ программѣ, принятой самимъ авторомъ для своего труда, такъ и по отношенію къ запасу данныхъ, имѣвшихся для выполненія задачи. При всей строгости, съ которою онъ отнесся къ недостаткамъ и слабымъ сторонамъ Словаря, онъ безпристрастно признаетъ за авторомъ и несомнѣныя заслуги. Словарь г. Горбачевскаго, говоритъ критикъ, относится къ такому предмету, разработка котораго составляетъ насущную потребность для русской исторіи и общаетъ для нея особенно важные результаты. Матеріалъ, заключающійся въ документальныхъ источникахъ, долженъ въ настоящее время считаться главною основою всякаго историческаго изслѣдованія, такъ какъ имъ не только пополняются, объясняются и провѣряются факты, сообщаемые другаго рода письменными памятниками, каковы лѣтописи, письма, современные записки и проч., но и освѣщаются нѣкоторыя такія

стороны исторической жизни, которая большею частью вовсе не затрогиваются послѣдними. Поэтому объясненіе актовaго языка, т. е. языка, сохраненнаго документальными источниками, важно не для одной исторіи права, но и вообще для изученія народнаго быта съ разныхъ его сторонъ. При скудости лѣтописнаго матеріала, всякій актъ, будетъ ли то государственный договоръ, привилегія, дарственная запись, частная сдѣлка, памятникъ законодательства или же судебное рѣшеніе, — становится неопѣнимымъ для историка, а въ такихъ именно условіяхъ и является, въ Литовско-русской исторіи, документальный матеріалъ, сохраненный въ архивахъ Кіевскомъ, Виленскомъ, Витебскомъ и издаваемый стараніемъ археографическихъ комисій. Поэтому трудъ, относящійся до внутренняго быта великаго княжества Литовскаго, подобный предпринятому г. Горбачевскимъ, долженъ возбуждать особый интересъ.

Програма, принятая авторомъ, весьма обширна; г. Горбачевскій предпринялъ: 1) объяснить слова и выраженія чисто-юридическаго характера какъ польскія, такъ и западно-русскія, встречающіяся въ актахъ Сѣверо-западнаго края; 2) дать подробное понятіе о древнихъ судахъ, бывшихъ въ Польшѣ и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ; 3) объяснить значеніе всѣхъ наименований разныхъ сановниковъ, бывшихъ въ Польшѣ и Литвѣ, съ показаніемъ ихъ правительственныхъ функцій; 4) показать значенія католическихъ праздниковъ и недѣль года, которыми обозначается въ актахъ время ихъ явки и совершенія; 5) такъ какъ для пониманія древнихъ актовъ необходимо знакомство съ средневѣковымъ латинскимъ языкомъ, то г. Горбачевскій почелъ необходимымъ помѣстить въ Словарѣ значительное число латинскихъ словъ и рѣченій, которыя своимъ происхожденіемъ обязаны среднимъ вѣкамъ; 6) задачу изслѣдователя составляли польско-литовская метрологія и изложеніе стоимости польской и литовской монеты въ разные періоды времени, начиная отъ самой древней — марокъ, фертоновъ или вердунковъ, до позднѣйшихъ — злотыхъ и грошей; наконецъ 7) предстояло объяснить названія древней польской и литовской одежды и домашней утвари, ремеслъ и пр.

Исполненіе этой програмы у г. Горбачевскаго подаетъ г. Барсову поводъ къ многимъ весьма вѣскимъ замѣчаніямъ, какъ относительно неполноты Словаря съ лексикальной точки зрѣнія, такъ и въ отношеніи точности объясненія разныхъ терминовъ. По замѣчанію ученаго критика, трудъ г. Горбачевскаго, по со-

ставу своему, далеко не исчерпывает предмета соответственно означенной программѣ. Но есть отдѣлы, по которымъ въ Словарѣ собраны рѣченія довольно полно и удовлетворительно; таковы отдѣлы о судебныхъ учрежденіяхъ, о католическомъ календарѣ, и въ особенности отдѣлы о литовско-польскихъ мѣрахъ и деньгахъ.

Указавъ въ подробности на слабыя стороны «Словаря», критикъ замѣчаетъ, что онѣ въ значительной мѣрѣ выкупаются разработкою метрологіи и множества техническихъ рѣченій, относящихся главнымъ образомъ къ судебной администраціи и практикѣ. Здѣсь труду г. Горбачевскаго, несмотря на неполноту его, нельзя отказать въ нѣкоторыхъ заслугахъ; книга его даетъ свѣдѣнія и объясненія, полезныя при чтеніи литовско-польскихъ актовъ изъ временъ, слѣдовавшихъ за Унією.

V.

Бѣлорусскія народныя пѣсни, съ относящимися къ нимъ обрядами, обычаями и суевѣрїями, съ приложеніемъ объяснительнаго словаря и грамматическихъ примѣчаній. Сборникъ П. В. Шейна. Спб. 1874 г.

Трудъ этотъ былъ рассмотрѣнъ, по приглашенію Академіи, профессоромъ С.-Петербургскаго университета О. Э. Миллеромъ, который признаетъ Сборникъ г. Шейна самымъ богатымъ изъ всѣхъ появившихся до сихъ поръ сборниковъ бѣлорусскихъ пѣсенъ. Отдавая въ этомъ отношеніи книгѣ г. Шейна предпочтеніе передъ трудами его предшественниковъ на томъ же поприщѣ, рецензентъ ставитъ его выше ихъ и по строгости приемовъ, употребленныхъ при собираніи пѣсенъ. Кромѣ того г. Шейнъ хорошо знакомъ съ литературой предмета и сдѣлалъ, гдѣ нужно, ссылки на другіе сборники, между прочимъ и на довольно рѣдкіе, изданные поляками, а многое заимствовалъ для своего сборника изъ разныхъ, мало распространенныхъ мѣстныхъ изданій.

Г. Шейнъ расположилъ пѣсни въ томъ порядкѣ, въ какомъ представляются событія человѣческой жизни, къ которымъ пѣсни относятся. Такъ часть лирико-обрядовая начинается колыбельными и дѣтскими пѣснями, продолжается колядными (распѣваемыми преимущественно отроками и парнями), масляничными, волочечными и т. д. и оканчивается похоронными. Особеннымъ богатствомъ отличается у г. Шейна отдѣлъ свадебныхъ пѣсенъ; изъ другихъ же отдѣловъ наибольшую полноту придалъ онъ отдѣламъ пѣсенъ волочечныхъ, купальныхъ и относящихся къ жатвѣ. За рекрутскими и солдатскими пѣснями, кото-